

Щедровицкий Г.П.

ЛЕКЦИЯ №3

Цикл лекций. г. Красноярск, 1986г.

Способы употребления схемы воспроизводства, способы работы с этой схемой, с методологической т.зр., самая главная часть, без которой вообще никакая схема не может считаться ни введенной, ни заданной. Поэтому для меня это самая важная часть, без которой схемы вообще мертвы: следы мела пустые. Но я понимаю, что с точки зрения слушателя, это мало интересный кусок. Вроде бы теряется основное онтологическое содержание. Поэтому, хотя вчера я сумел рассмотреть из 14 условий употребления схемы воспроизводства только 3, но остальные 11 я сейчас в вас не буду вдавливать. А сделаю вид, что это мы потом пройдем. И постараюсь вернуться к основной линии изложения материала и к обсуждению нынешней ситуации.

Итак, вы должны помнить основные тезисы, которые я формулировал 9.12.86 и постараться восстановить этот контекст. Самое главное, это мой тезис о том, что:

Мы живем сейчас на формационном сломе в системе образования. Мы попали в самую середину того разлома, который сейчас осуществляется во всем современном обществе, в мире. Поскольку мы переходим от образования и подготовки кадров, ориентированное на простое воспроизводство к образованию и подготовке кадров, ориентированное на развитие. И в этом плане основной парадокс, который я старался показать и даже акцентировать этот момент, - что вся система простого воспроизводства живет в альтернативах: либо застой, либо хаос. Ибо смысл всей системы культуры /и это я изобразил на схеме воспроизводства/ в том, чтобы создавать маховое колесо истории. То маховое колесо, которое обеспечивает устойчивость социальных и социокультурных структур, их постоянное повторение и воспроизводство. И под это перестраивается система образования и воспитания, которая должна обеспечить застойность воспроизводства людей. И это есть не злой умысел, не зловерные поступки ретроградов, это есть принцип жизни всякой устойчивой социальной структуры. Я твердо убежден в том, что такая устойчивая система есть ценность всякой социальной жизни и обеспечивается это именно системой культуры. Но вместе с тем, сам этот тезис /либо застой, либо хаос/ справедлив лишь, если мы кладем эту систему простого нерасширенного воспроизводства как единственно

возможную систему, единственно возможный механизм для человеческого общества, когда мы работаем в идеологии исключенного третьего: или это, или это. Значит, этот принцип осмыслен и даже истинен в схемах чистого воспроизводства без развития.

Теперь как бы чуть в сторону. Я уже говорил, что буду вести эти беседы не для того, чтобы передать какие-то знания и представления, а для того, чтобы набросать огромное поле проблем, которые сегодня существуют и для тех, кто работает в области педагогики, и науки, и методологии.

Один из участников конференции по логической организации рефлексии в г. Новосибирске написал тезисы: «О пробельной системе образования». Главный редактор Тыщенко предположил, что перепутали, что надо было «Проблемное образование». Но при чтении убедился, что речь идет о пробельном образовании и в этом смысл дела.

Теперь я заостряю эту идею и говорю: «Подлинное образование, если мы хотим готовить действующих людей /ибо люди знающие уже сегодня не люди. Они не действенны и не способны жить и работать в сменяющихся ситуациях/ если мы хотим готовить людей, способных действовать в этих сменяющихся ситуациях, мы должны давать им пробельную систему образования и выдвигать в основную часть их поля сознания дырки и проблемы. Или иначе лакуны, которые сегодня знанием не заполнены. В особенности это справедливо для системы образования, и в особенности подготовки ученых. В этом смысле МФТИ есть гипертрофированный образец плохой организации работы. Институт отсасывает лучшие кадры со всей страны и после этого начинает натаскивать их на то, что уже давно известно. Поэтому студенты МФТИ всегда говорят, что имеет место на самом деле. Каждое свое высказывание начинают с того, что объясняют присутствующим как оно на самом деле все устроено. Когда перед ними ставишь проблему, они говорят: «Вы неправильно ставите задачу!» поскольку они ничего кроме задачек не знают. А задачи – это есть то, что уже имеет решение. Поэтому их основной ход: «Поставьте задачу правильно, тогда я сработаю» /Из лучших людей страны делают шелкунчиков задачек/.

Поэтому в этих беседах я имею своей основной целью задавать определенное поле проблем, которые вам потом и придется решать. И это, с моей точки зрения, самое главное, что должен получать человек, который хочет действительно иметь высшее образование. В этом плане наши университеты сейчас – это большие ПТУ. И вся система подготовки в наших университетах есть

ПТУшная система подготовки, поскольку дает все то, что мы знаем. Знаем сегодня, знали 200 лет назад и даже 500 лет назад. И нет никаких способностей жить, действовать самостоятельно, и решать не задачи, т.е. то, что уже имеет способы решения, а проблемы, которые возникают как дырки или гигантские разрывы и разломы в нашей жизни и требуют от человека сначала сконструировать способ решения, а потом его на себе и осуществить /или реализовать/.

После 27 съезда, когда такого рода установки объявлены национальными, вы счастливее нас, предыдущих поколений, т.к. можете дерзать. А с другой стороны, поскольку дерзать можно, когда есть с чем, но это «что-то» /повторяю, чтобы меня не обвинили в противоречии/, «то» с чем можно дерзать – это не знания, это средства самоорганизации себя на деятельность и мысль, а, следовательно, пустографки, т.е. такие разграничения и распределения, которые задают определенную топику, а не знания, план действия фактически по пустому пространству /или, если брать фильм Тарковского, в «зоне»/.

И в этом плане мне надо /И это я делал и 9.12. и 11.12./ проработать организационно-деятельностно идею воспроизводства с соответствующей схемой и вытащить из нее области и направления предстоящих исследований.

Итак, напоминаю схему воспроизводства и прорисовываю её для дальнейшего развития.

Главный смысл этой схемы в том, что все производство социальной и общественной жизни делится на два подпространства. Одно: это подпространство культуры /ПК/, где существуют определенные значения культуры в виде образцов, прототипов, эталонов действия /в первую очередь/, мыслительных действий, речевых действий /или коммуникативных/, и всего того, что есть в человеческом мире. Вот эти образцы /предположение, что человеческая деятельность может их оживить и включать в свою деятельность/ и есть наша культура. И вроде соединяются два, казалось бы, ортогональных определения: с одной стороны, это образцы культуры, если они закреплены на жестком и неменяющемся материале, и сами, в силу этого, остаются неизменными /меняющиеся культуры напоминают мир героя известной сказки «Мойдодыр»: «убежало одеяло, ускакала простыня, он потянулся к чаю – и чай туда же...»/. Все образцы культуры должны быть четко, жестко неизменными, и остающиеся неизменными на больших отрезках времени и протяжении. В этом смысле культура всегда есть консервирующая система механизмов. И через традиции, через передачу системы традиции это все

передается. Но это только одна сторона. С другой стороны, культуры, зафиксирована в этих образцах, но всегда с интенцией на их оживление или использование в деятельности. Только тогда есть культура, когда она берется в реализации их. И вот эту реализацию их нам придется с вами еще много обсуждать. И как раз на этой реализации в порядке обеспечения её появляется практическая и теоретическая педагогика.

Итак – справа мир – это мир культуры, который за счет специальных институтов поддерживается в неизменном состоянии и в современном динамическом обществе /как мы любим говорить/, поскольку без этого признака вообще культуры не будет. И может в наше динамическое время она больше всего и поддерживается в неизменном состоянии лучше, точнее.

Кстати, то, что я обсуждал детально 9 декабря большая система удерживает себя инерционностью всей этой системы. Поскольку каждый элемент встроен в ряд других сложнейшими связями и эти связи держат каждое самостоятельное автономное движение и изменение элементов. Но мы, кроме того, создаем массу специальных служб для поддержания её в неизменном виде. В частности, одной из таких служб является государственный комитет стандартов, который занят тем, чтобы все это жестко фиксировать и друг друга взаимно слепить. Но не в другом подпространстве или части общественной или социальной жизни, а именно здесь, в ПК. Хотя каждый из этих каналов автономен и передача парадигм, норм и эталонов осуществляется для каждого типа образца, каждого типа эталона сама по себе.

Теперь, - слева мир – это мир социидальных реализаций. Эти социидальные реализации осуществляются каждый раз ситуативно и в определенных условиях.

Я обращаю внимание на эту предпосылку, а именно, наличие среды и требование соответственно средового подхода для тех случаев, когда мы рассматриваем ситуации коллективного действия, которые представляют собой разнообразные пропечатки /отождествляя культуры с матрицами/ различных этих матриц. Т.е. образно говоря, вся наша социальная жизнь, реализующаяся в ситуации, есть реализация вот таких многокрасочных пропечаток культурных матриц. Мы как бы, скажем, с одной матрицы, печатаем все красное, с другой – зеленое, с третьей – черное и т.п. Все это вместе одно на другое. Когда человек рождается, он отнюдь не человек, рождается он не человеком. Рождается некоторый материал, носитель человеческого существования. А человеком этот

самый сгусточек, или человеческий детеныш становится после того, как его пропечатали многократно в системе образования и сделали дисциплинированным. Все то, что у него выступало по сравнению с культурными матрицами отрезали. Если он сам очень подвижный и выбивается, то тут комсомольская и партийная организации проследили, и его в эти формочки вбили. Кто уж очень все время выбрыкивается, да с силой, того коленкой под зад и без права получения высшего образования и т.д.

И это есть жестокая необходимость общественной или социальной жизни. Без этого система вообще не может существовать. Поэтому, скажем, у англичан всегда было две партии: консерваторы и радикалы /или либералы, обеспечивающие колебания, своего рода механизм, выполнявший функции моды/, чтобы любое продвижение вперед всегда укреплялось или дополнялось определенным периодом консервации, когда общество может ассимилировать это новообразование и ввести это в рамки соответствующей общей системы культуры.

Я подчеркивал ту странную вещь /смотрите теперь как работает метод предельных типов/ что мне приходится теперь различать, что у нас дано в идеальной схеме, в этой онтологии и в тех последующих, которые я буду разворачивать методом восхождения. От А простого к В, при этом добавка В может быть получена только на ядре простого воспроизводства, туда это надо будет допечатать и потом С. И вот это я сегодня должен проделать. И тогда мы реализуем идеологию восхождения от абстрактного к конкретному, с одной стороны, а с другой стороны, метод предельных типов Вебера, а именно, что все это множество ситуаций, которые здесь возникают, оно реализуется не по моделям, а по идеологии предельных типов, которые очерчивают все это множество, удерживают его и фиксируют. И, если это правдоподобно, то я все время должен различать, а именно, я должен выделять предельные типы и соответствующие им онтологические схемы, на которых у меня заданы монопроводы, каждый в чистом виде, а, с другой стороны, вот эту вот реальность. И тогда получается очень странная вещь на этой схеме, которая задает абстрактно-теоретическое ядро всей этой проработки. У меня два пространства: ПК, которое транслируется, и пространство социодальных ситуаций /ПС/, которое суть всегда при любых новациях есть реализация того или другого набора культурных образцов. Каждый человек представляет собой такую пропечатку определенных матриц, и каждая вещь, и каждое действие, и каждая

цепочка процедур и действий нормирована такими культурными образцами. И эти культурные образцы все время перетекают от поколения к поколению и передаются, и службы соответствующие и институты работают на это. И не только институты образования, хотя любой институт и университет срезу выполняют два процесса: 1). Готовит молодые поколения к будущей деятельности; 2). Есть инструмент накопления, аккумуляции и трансляции культуры и поэтому так важно, что в вашем университете начертан принцип... В этом смысле он давно уже выбросил свой пиратский /на мой взгляд очень правильный/ флаг, что университет есть центр культуры. Но это значит, что университет должен не только готовить новые поколения к будущей жизни, но и собирать, кумулировать и тащить культуру.

К сожалению, существующая ныне система жесткого разделения учебных заведений и НИИ можно думать нарочно сделана так, чтобы не удавалось ни готовить высшее поколение, ни сохранять и воспроизводить культуру.

Но опять-таки это все имеет свои основания /всегда/ в ситуации и может быть кто-то из вас, кого интересует история, потом нам объяснит почему принимались такие странные решения, вроде бы противоречащие всей сути учебных заведений.

Но я пока подчеркиваю вот этот тезис. /Вы, Борис Иосифович, вроде бы немного боретесь с этим/. Университет есть не только учебное заведение, но и центр культуры.

И, следовательно, свою значительную часть работы, в том числе с участием студентов, он должен проводить за сборкой культурных образцов, созданием их и систематизацией.

И вот в этой схеме /педалирую на этом/ между этими следующими друг за другом ситуациями нет никакой связи и преемственности. И мы так устроены. Мы каждый раз реализуем систему предписаний, инструкций, культурных норм, а не последовательность влияния ситуаций друг на друга. И это ошибка каждого организатора и руководителя. Он выполняет систему норм и предписаний, а не обеспечивает непрерывность... Что?

Фрумин: Просто непонятно, как вы определяете ситуацию.

Г.П.: Я вчера об этом говорил. Каждая ситуация четко организована во времени. Вот мне сказали прийти сегодня к 17.00 Лекция начнется в 17.00. А завтра – к 15 часам. /В Москве завтра пришли бы только 20%, потому что мотание лекций с часу на час не позволяет планировать и двигать вперед/.

И в этом смысле те, кто вывели древних египтян к Нилу, четко знали, что там гомеостат и потому там их поселили, чтобы они жили в условиях гомеостата и можно было весной знать, какой урожай будет каждый раз осенью. А там это можно, так как определяется таянием снегов – разливом Нила – сколько риса и пшеницы будет собрано. И египтяне всегда знали, сколько у них будет хлеба и начинали экономить уже с весны.

И вот в этой схеме два пространства жестко разделены. И я здесь рисую все дело так, как-будто вот есть у нас ситуация и мы в ней сидим, а культура в соседней аудитории. Но если я теперь возвращаюсь к реальному времени и пространству, то я должен сказать, что мой тезис о том, что между ситуациями нет вот такой преемственной связи и последовательности реализации, то он неверен. Ибо в реальных условиях ПС и ПК накладываются друг на друга и существуют в одном физическом и астрономическом пространстве и времени.

Поэтому, если вы мне, Исаак Давыдович, задаете вопрос: «Как разделяются ситуации?», то я отвечаю так: «В реальном астрономическом, физическом пространстве и времени никак не разделяются, потому что их там разделить нельзя, и процессы соответственно не подразделяются. Это вот здесь вот в этом популятивном объекте, а не в предельных типах. /показывает на схему пред. типов Вебера/. Когда я рисую одну из предельных замыкающих абстракций: называю простое воспроизводство, и условия абстракции вот в этом понятии простого /то есть без развития, и еще пока без производства/ воспроизводства, то я там могу очень просто разделять. Там, где нарисовал как разное, там и поделил, поэтому линия раздела...

Я тем самым утверждаю, что нет такого процесса в человеческой деятельности и МД и, наверно, в жизни, который бы переводил одни ситуации в другие без выхода в рефлексия и в пространство развития.

Таким образом эта противопоставленность двух пространств – плод определенной очень мощной и очень радикальной абстракции и работает только в рамках такой идеализации. И в дальнейшем я должен буду это снять. Снять, во-первых, реалистически, в том смысле, что показать: что были такие общества, в которых разделение не ПК и ПС имело место.

Древний Египет представлял собой именно такое общество, сознательно организованное таким образом, поскольку люди предпочли застой хаосу. И в нашем окружении масса людей, которые бы предпочли жесткий застой хаосу. Например, меня вчера спросил студент пединститута, который воспитывать

людей будет: «Вы как относитесь к гуманизму? На мой взгляд, надо весь гуманизм под корень вырезать. И когда вырезают вместе с гуманистами, государство становится устойчивым».

Но надо понимать, что эта точка зрения очень четкая и жесткая. И это, и неофашистское движение, имеют одну характеристику, а именно, что они сложные вопросы решают простыми методами. И люди же верят в это. В Китае так кончили с конфуцианством, утопив книги и людей, которые умели читать и писать, и оставив только книжки по военному делу и сельскому хозяйству. Вот это фашистское решение вопроса и очень соблазнительное.

Реплика из зала: Он с кафедры физического воспитания.

Г.П.: Кафедра физвоспитания – это самая важная кафедра. В период фашизма германские коммунисты постановили работать по линии физического воспитания. Ибо физвоспитание создает условия для прямого и непосредственного сотрудничества и контактов между преподавателями и учениками. И, более того, я убежден, что физвоспитание – самый главный предмет. И так оно было в Греции. Пошли дальше.

Итак, схема есть результат абстракции, и поэтому относить это все к нашей жизни не надо. Запрещено логикой. Но что я теперь должен сделать?

Первое: обсудить как на этой схеме чистого воспроизводства появляется производство.

И здесь обсудить одну из самых распространенных в нашей стране догм, с моей точки зрения, невероятно вредной и вообще переворачивающей сознание ситуации, исторические оценки с ног на голову и запикивающих эту голову в землю, причем под большим давлением, чтобы она еще и соображать не могла.

Второе. Как возникает система образования и воспитания в этой системе – это я должен вписать сюда, двигаясь методом восхождения от абстрактного к конкретному.

Третье. Я должен ввести понятие функционирования, относя его сначала к производству, и затем выйти к обсуждению проблем развития. Причем опять развитие вписать как механизм в эту схему.

Этим я подготовлю почву для обсуждения перехода от педагогики воспроизводства к педагогике развития.

Итак. Производство и воспроизводство. По этому критерию историю можно делить на две резко отличающиеся друг от друга части: на историю без производства и историю с производством.

Часты наивно-догматические вопросы: «Как так, общество и без производства? А Маркс что говорил и писал?» Имею сообщить: Маркс все это знал, прекрасно понимал, в своих работах обсуждал и точно также делил все это на общество без производства и общество с производством и обсуждал условия появления и оформления производства.

Более того, лет пять-шесть назад в Юго-Восточной Азии были найдены живые реликты – общество без производства с высокоразвитой человеческой культурой. Их изучают немцы, японцы, перуанцы и другие исследователи. Причем известно, что таких обществ отнюдь не одно, а есть и другие формы, но они достаточно умны, чтобы не вступать в контакты с современным производственным обществом и всячески уходят, скрываются в джунглях и прячут все следы своего существования. И это не лунатики и не тарелочники и никто там другой, а люди нашей Земли, которые избрали для себя сознательно и целенаправленно непроизводственный путь развития, с очень высокой культурой и специфическими формами организации взаимоотношений, с очень мощной этикой и, я не удивлюсь, если в последующие сообщения скажут о том, что у них есть своя философия.

Хасан: они избрали путь развития или существования?

Г.П.: я не оговорился. Они избрали, конечно, путь существования /вы правы, Борис Иосифович/, но и развития! А в принципе надо говорить существования. /Об этом писали в журналах «Природа», «Знание-сила» и др./

Из зала: откуда высокая культура без развития?

Г.П.: Следующий шаг. Мы живем сейчас в такую эпоху, когда вроде бы вопросы производства играют десятистепенную роль. И когда мы их обсуждаем, сосредотачиваем свои усилия прежде всего не производстве, то мы вроде бы играем в игру, отставшую на три тысячи лет.

Прежде, чем приводить примеры, я должен ввести понятие производства. Вводить я могу только на идеальной схеме. Кто интересуется тем, как вводятся схемы, следите пожалуйста. А предварительно, я хочу сказать следующее: что я вот обдумывал этот вопрос /очень значимый в принципе, хотя и не имеющий ответа/ и должен сказать, что когда мы движемся в схеме восхождения /а так вводятся подавляющее большинство схем/, мы всегда имеем исходную базовую схему, которая появляется часто случайным образом, и мы теперь должны восходить, конструктивно развертывая свою схему, как знаковую конструкцию. И поэтому, здесь по форме формулируется масса принципов конструктивного

развертывания, в частности, они фиксируются и как принцип развития и псевдоисторический процесс. /В «Семиотике и восточных языках» я обсуждал это/.

Хасан: педалирую /как вы любите это говорить/: «конструктивного развертывания».

Г.П.: Мы здесь находимся в рамках знакового конструирования или семиотического конструирования, которое играет гигантскую роль. Но при этом необходимо иметь еще знания культур и держать перед собой огромное поле феноменального материала и конструировать так, чтобы следующие схемы конструктивно выводить из предыдущих /третье из второго и т.д./, чтобы организовать и объяснить имеющийся феноменальный материал. И, в первую очередь, те эффекты, которые мы выявили при обсуждении этого феноменального материала.

Значит, работа схематизации, работа конструирования новых схем предполагает каждый раз движение как бы в двух полях: с одной стороны, в поле феноменальных представлений, которые мы должны объяснять; с другой стороны, соблюдение простых правил выведения последующих схем из предыдущих и, обратные задачки, простого сведения последующих схем в представление, но развертывается это именно в порядке выведения, а потом сведения. /и когда Маркс писал «Капитал» он подробно обсуждал и с мыслительной точки зрения и с конструктивной эти процедуры сведения и выведения. – Вы ничего не хотите тут возразить, Герман Рудольфович, для расширения мнений, содержания?/.

Так вот, мне необходимо теперь в порядке расширения этой схемы ввести производство. И ничего другого я не могу сказать здесь кроме, что, по-видимому, что производство выделяется благодаря рефлексии существующих структур.

Конечно, они рисовались не в таком виде. Но вроде бы те народы, которые жили за три тысячи лет до нас, они должны были четко фиксировать основную схему организации процесса воспроизводства.

При псевдоисторическом и псевдогенетическом конструировании и выведениях я это должен фиксировать на этой схеме.

Значит они должны были выйти в рефлексивную позицию, хотите сюда, назад /рисует вверху/ или вперед /рисует внизу/, смотря куда вы это будете относить, и внутри воспроизводства выделить производство и организовать его. Значить первое утверждение: производство есть определенный структурный

фрагмент процесса воспроизводства. Но из этого, в частности, с необходимостью следует, что воспроизводство есть более фундаментальная технология и более фундаментальный процесс, нежели производство.

Производство – только момент. На чем этот момент строится? /Из этого дальше последует интересные выводы, хотя в моем выведении все идет в обратном порядке. Я вроде бы эту феноменальную часть знаю, и она подтверждена огромными материалами, теперь мне надо это собрать и свернуть вот в этой схеме/.

Итак, для того, чтобы все это объяснить, мне надо немного раскрыть саму ситуацию воспроизводства, как это происходит. Здесь мне приходится членить воспроизводство на каналы уже по характеру воспроизводимого материала. И начинается первое привлечение материала, о необходимости чего вы говорили в первый день. И первую основную роль в этом воспроизводстве играет именно воспроизводство людей. И поэтому возникает на границе между ПК и ПС вот здесь такой «мешок» - образование и воспитание людей. Но это не надо понимать так, что это возникает на границе ПК и ПС, но помещать мы его должны с учетом процессов ПК и ПС, соединяет оно в себе и то, и другое и эти функции.

Значит я должен здесь задать механизм производства человеческого материала. Обсуждать его нет необходимости, здесь старый дедовский способ /американцы грозятся технологизировать, но пока, слава богу, все по старому/. Значит, материал здесь производится, потом он поступает в систему преобразования этого человеческого материала или систему изготовления человека. И здесь важно из этого зародышевого материала произвести человека. Это очень сложно описывать эту вещь. Но когда мне это необходимо было в 1966 г. Я нарисовал такой инкубатор как длинную трубу, через которую пропускают материал, где с одной стороны входит материал /сидят, слушают и то, что интересно, запоминают и перенимают и это есть счастливая жизнь в учении/, а с другой стороны – выходят...

Гетманова: Вы сейчас вводите социальные институты? У вас ситуации превратятся в социальные институты, культура превратится в институты – это и будет схема?

Г.П.: не так определенно. Я всегда предпочитаю работать с достаточными допусками по неопределенности, поскольку думаю, что сознательно неопределенное мышление намного важнее и мощнее, чем определенное

мышление. Поскольку нас не держат те излишние определенности, которые мы ввели в исходные схемы и которые для развития мысли не необходимы.

Гетманова: Вы сказали, что у вас есть определенные правила приращения этих шагов. Я просто пытаюсь понять какие у вас правила.

Г.П.: И не надо. Понимаете, если вы будете заниматься тем, чем я не занимаюсь, то будет один результат: то, что я буду говорить, вы не уловите и не поймете, а то, что можно было бы делать самой с блеском и в спокойной обстановке, вы будете делать в условиях, когда я буду вам все время мешать. При отборе, космонавтов заставляют решать задачки, а в наушники подают сбивающий текст, и выходить на связь в этих условиях также. И те, кто проходит эти мытарства, и могут наладить работу, берут в космонавты. Но если вы такую задачку решаете здесь, то я руки поднимаю. Но лучше, если вы не будете искать то, что я не обсуждаю в основном движении.

Значит, вроде бы вы сказали правильно, если действовать строго социологически, то необходимо было бы делать так, как вы сказали. Но это другое дело. Поэтому я сейчас скорее передаю вам идею, создаю лакуны, набрасываю пятнами области разработок, и дальше ничего не говорю, рассчитывая, что вы со временем, заинтересовавшись, сами все это выведете, и сделаете это лучше меня.

Значит, мне важно выделить то, что здесь еще третье пространство – пространство обучения и воспитания или подготовки подрастающих поколений. Но, смотрите, теперь мы можем ввести здесь схему пространства обучения и воспитания и точно также ввести пространство производства.

Что такое производство? Если я теперь вот в этих ситуациях и в соответствующих им образцах культуры выделяю продукты, точнее вещи, то, следовательно, происходит жесткое противопоставление и разделение вещного мира и человеческого мира. /Рабы куда попадают – в вещи, это понятно/.

Значит, если мы выделяем эти вещи и теперь начинаем рассматривать ситуации исчезновения вещей в результате пожаров, грабежей, износа, то мы должны здесь организовать точно также вот еще одну сферу /рисует в ПС/ по производству вещей. Но по сути своей – «по воспроизводству вещей», потому что воспроизводить вещи можно только одним способом: приходится часть вещей фиксировать в системе культуры и в этом ПК, как образцовые вещи, которые необходимо создавать не как вещи для социидальных ситуаций, а как вещи, имеющие образцы культуры и, следовательно, ставится репродуктивная или

репродукционная задача. Конечно, здесь я пользуюсь иностранным коррелятом слова «воспроизводство». Но, если употребляю слово воспроизводство, то этим подчеркиваю, что речь идет о воспроизводстве деятельности, это моя ценность и основная установка. И я даже утверждаю, что всегда, три тысячи и десять тысяч лет назад, и сейчас, мы имеем одну установку, а именно: непрерывно воспроизводить человеческую деятельность, а не вещи. И суть историческая в том, что воспроизводится деятельность, а не вещи.

Но, воспроизводство деятельности предполагает на следующем иерархическом уровне воспроизводство вещей. Это есть задача вторичная и вкладывается внутрь воспроизводства деятельности, как воспроизводство её условий и необходимых обстоятельств этой деятельности...

Итак, выделяется вторичная задача воспроизводства вещей, и соответствующие вещи кладутся в отсек в арсенале в виде образцов и в культуру соответственно. Ну, сейчас мы эти образцы часто производим в проектной работе. И, следовательно, проекты, а не только макеты могут выступать как такие образцы вещей. Мы выделяем вот этот кусок воспроизводства и называем его производством /вот в том случае, если мы выделим образцы/. Значит производство есть часть общего процесса воспроизводства, относящееся к вещам. В принципе мы и воспроизводство людей потом организуем точно также как и производство вещей.

Получаем заготовку и обрабатываем её соответственно: режем, наращиваем, чего-то шлифуем и т.д. Но эти два плана резко разделились и очень давно. Мы фиксируем образцы вещей, которые должны производиться, следовательно задаем вот это требование репродуктивности. С этой точки зрения, производство новой вещи, лучшей, уже не есть производство и в производстве не разворачивается. Мы кладем эту вещь и говорим: делать надо точно такую. Мы знаем какую и кладем в основание нашей деятельности. Поэтому цели производства резко расходятся с целями жизни. В воспроизводстве этого еще не было. И когда я обсуждал чистую схему воспроизводства, я здесь записал вот это воздействие среды, и, следовательно, все вариации, которые происходят со всеми...

В этом смысле производство должно быть законсервировано. Воспроизводство консервирует, а уж производство в степени консервирует. Оно вообще никаких отклонений не допускает. Если вы начнете что-то иначе строить

здесь, то вы превратите в хаос всю общественную систему и вообще не сможете справляться.

Болотов: Вы правильно положили производство слева? /в ПС/

Г.П.: Да, целиком в области социидальной. Хотя образцы кладутся сюда еще. /в ПК/. Здесь появляется какой-то блок, где мы точно фиксируем образцы или эталоны производимых нами вещей. У нас в стране масса институтов этим занята, начиная с Госстандарта и т.д. Есть службы номенклатуры товаров народного потребления, военных товаров и т.д.

Байка о том, что бывает, если «производство не консервирует»:

Произвели новую модель машины ЗИЛ. Военное ведомство отправило их назад и предложило прекратить выпуск. Оказалось, что новый ЗИЛ сделан на осях, которые не помещаются в железнодорожный вагон. Это с военной точки зрения к использованию непригодно.

И дальше я делаю следующий шаг к созданию технологии. Выделяется сфера производства, всегда как производства вещей и затем начинается в целях повышения производительности труда технологизация производственных процессов. А вы понимаете, что технологизация еще больше ужесточает и закрепляет эту консервацию. Вот теперь из этого я начал бы делать целый ряд выводов.

Маркс много раз в разных работах обсуждал ... перехода от воспроизводящей формации к производящей. Очень часто он это обсуждал с точки зрения подготовки людей. Говорил о том, что повышение производительности труда в Древний период создает условия уже профессионального разделения труда, а часть людей выделять для мыслительной деятельности. Это очень важный момент, хотя в нашей литературе почти не проработан. И необходимо дальше еще анализировать условия выделения внутри воспроизводства производства с его специфическими механизмами. Не потому мы переходим к производству и создаем производственные системы, чтобы повысилась производительность труда людей и теперь человек производит больше, чем необходимо для его прокормления; и это создает условия для появления мыслящих классов и классов, присваивающих себе продукты чужого труда. А наоборот, мы создаем производство, вводим технологии, и за счет чего труд людей теперь производит больше, чем нужно для потребления самого человека.

И мы переходим, скажем, от собирательства, к продуктивным формам организации общества. Когда это происходит в истории - трудно сказать. Ну, 3 тысячи лет назад в Древнем Египте это уже произошло. В шумеро-аккадской тоже, по-видимому. И в древней Греции это уже приводит к расцвету первой фазы квазибуржуазного общества /это описывалось в многочисленных работах. Но мне важен другой момент, что с появлением производства технологии люди становятся лишними. Появляется гигантский класс лишних людей. /

Видите ли вы все выводы, отсюда вытекающие?

И общество теперь вынуждено выдумывать чем ему занять этих людей. Поэтому подлинная проблема современного общества - это не проблема нехватки рабочих кадров, а это проблема гигантского избытка раб. кадров и проблема чем их занять.

Примерно 10 лет назад американский программист Гудзоновского института Берман, по заданию Госдепартамента, посчитал, какой необходим рабочий ресурс США для производства всего совокупного промышленного и с/х продукта, который США производит на сегодняшний день /для себя и для др. стран/: 3 млн. фермеров /которые и есть сегодня/ и 400 тысяч человек на современном не автоматизированном производстве. Даже если он ошибся в 10 раз, то это все равно $400 \times 10 + 3 \text{ млн.} = 7 \text{ млн. человек.}$ А что делают остальные 250 млн. жителей штатов?

Что они делают?

Они борются с теми, кто работает и с государством за то, чтобы им предоставили полный рабочий день. И это главная проблема в экономически развитой стране.

Гришин еще несколько лет назад говорил: "Даю два дипломированных инженера за одного недипломированного рабочего". Это есть точка зрения секретаря московского гор. ком. партии /слава богу, бывшего/. Но долго он со своей идеологией человека, лазающего по деревьям и срывающего бананы, определял жизнь города Москвы и решал проблемы, которых нет в цивилизованном мире.

Отсюда возникает идеология непрерывного образования. Сегодня она выдвигается тактически как проблема главного технологического процесса. Фактически сегодня вопрос с производством в развитых странах мира решен и он уже был решен в Др.Египте. И пирамиды строили не потому, что это необходимо

было для возвеличивания славы фараонов, а потому, что надо было занять лишних людей. Они должны были быть при деле.

Этот урок мне дали еще студентом, когда я работал в многотиражке ЗИЛа. Приходят возмущенные рабочие и говорят: "У нас есть цех, где делают деревянные молотки, с помощью которых обивают шасси. Человек придумал пропитку для дерева, которая увеличивает срок службы молотка. А изобретение кладут под сукно. Вы бы сходили в партком". Я убедился в цехе, что все так. Тогда я - в партком. Там секретарь говорит: "Ты еще зеленый и дурак. Ну, в социальном смысле. А что я буду делать с рабочими, которые освободятся? Куда я их дену? У меня и так в каждом цеху лишние люди делают вид, что они работают. А поэтому головой думай, что надо нашей стране? А ты языком болтаешь. Разве проблема в том, что рабочих не хватает. Проблема в том, как организовать жизнь всех людей и реализовать право всех на равенство; все должны работать и все должны получать заработанное. Во всем мире люди борются за полный рабочий день, за заработную плату. А ты хочешь безработицу у нас в стране?"

Москвин: еще Ленин писал о необходимости сокращать рабочий день, чтобы у людей появилась возможность поработать головой и заменить управленцев, сидящих у них на шее.

Из зала: Эту проблему можно решить полпотовским способом /вырезать лишних/.

Г.П.: Действительно, это самое всегда простое решение проблемы. А тот парторг с ЗИЛа пытался мне мысль в голову вбить.

Москвин: Вас впросак поставили. Такой человек реально ничего не делает. Такой парторг не нужен будет. Он будет бороться всю жизнь за сохранение такого производства. Надо с этим человеком бороться.

Г.П.: мне очень нравится такой вот, Герман, простой марксистский классовый подход. Но не помогает. Я думал раньше только фашисты проповедывают это вырезание.

Москвин: да не надо вырезать.

Г.П.: а как? А что значит гражданская война? Прекрасную книгу Хемингуэя "По ком звонит колокол?" читали?

Итак, мы подошли к пониманию вот этого смысла дела...

Москвин: да никуда мы не подошли. Вы наоборот заводите смысл дела в тупик, и люди легко заводятся туда. Людям нельзя об этом говорить вообще.

Г.П.: как это нельзя говорить?

Москвин: Даже если примеры такого рода приводить. Бывают всякого рода гражданские войны, дело не в том, что кого-то убивают. А кто- кого? Вот это главный вопрос. И здесь нет проблемы, о которой вы говорите, куда девать лишних людей. Есть другая проблема: есть целые группы заинтересованных людей, чтобы оставалась эта проблема. Речь идет об организации борьбы с ними. И здесь не МД нужна, а боевая и политическая борьба.

Г.П.: ну, да. Это то, что Маркс называл "критикой оружием". Не оружие критики, а критика оружием.

Москвин: да, можно называть это по-разному. А выхода нет другого. **Г.П.:** Почему? В мышлении есть масса выходов и практически. Только действительно, надо думать прежде. Поскольку, смотрите, какая у вас интересная ситуация. Вы вроде бы призываете мыслить, а сами это правило как принцип своей жизни не берете. Стоите на точке зрения короткого непродуманного действия.

Москвин: чтобы предпринять такое короткое действие, надо огромное количество организаторских шагов.

Г.П.: Слава богу, а то вообще вы бы сейчас отправились действовать. Как учил Н.Г.Алексеев в предыдущих лекциях. Рефлексия начинается с остановки. Рефлексия есть первое, это бульон мышления. И сначала надо подумать. А для этого остановиться, и думать, думать, думать.. пока не продумаешь на уровне культуры.

Москвин: это известный вообще подход российского интеллигента. Надо думать определенно и думать всю жизнь до конца. Голос из зала: Но ведь все упирается в ограниченность человеческого существования.

Г.П.: но, смотрите, что я утверждаю, еще разочек. Итак, с появлением производства и с введением в производство технологии происходит невероятно быстрое, резкое повышение производительности труда. Когда мы остаемся на практической точке зрения замкнутого общества, то масса людей становятся лишними, ненужными. И дальше возникает гигантский вопрос что с ними делать.

Теперь начинаю другой проход: люди есть главный ресурс всякого человеческого общества, есть главная производительная сила всякого общества

и главная культурная сила, если они образованы и умеют мыслить. Если не умеют мыслить - они не ресурс.

И вот теперь надо делать выводы принципиальные. Тогда оказывается что главная область общественно-значимой работы - это не производство / оно может выполняться, например, в США 7 млн. людей при 260 млн. населения. А у нас, например, могут 20 млн. давать изобилие/. И проблема не в этом, а в том, что если мы приняли вот эти принципы демократии и принципы равенства, то мы должны устраивать жизнь для всех людей. И тогда, первое - производство и подготовка людей становится главной технологией общества, поскольку компьютеры вы можете купить в Японии или в США. А людей вы там не купите. Жить надо с нашими людьми. Они должны быть образованы лучше всех, если вы поняли вот то, что я сейчас говорю.

Москвин: Наверно вы правильно говорите, но вы попробуйте исключить вот этих людей, которые образованы, вот те 20 млн., которые будут работать..

Г.П.: извините, они по современному работать не смогут и образование должно происходить в рамках производства.

Москвин: сохраняться производство должно при той длительности рабочего дня какая сейчас есть или мы должны борьбу направить на те силы, которые будут сокращать и даже, если потребуется, то силами не.....

Г.П.: Ну, Герман, настырный вы мужик. И никакие вообще намеки на более широкую т.зр. и ограничения на вас не действуют, вы продолжаете свое. Увидел, вперился и пошел сквозь все.

Хасан: Г.П., ну, да, сокращать надо рабочий день...

Г.П.: Если вы марксист, то надо сокращать рабочий день. Но, обратите внимание, если вы выведете меня из производства, вот сейчас, то вы меня убьете. И отсюда проблема. И когда они там, за бугром, додумались, то сформулировали идеологию непрерывного образования. И мне пришлось год назад прорабатывать принцип непрерывного образования! на предмет реализации в Советском Союзе. И понял я одну страшную вещь, что наши люди, даже если им сохранить заработную плату, /неважно где они - на производстве или в системе повышения квалификации/ они в систему повышения квалификации не пойдут... Поэтому тезис ваш абстрактно бесспорный и марксистский, надо сокращать рабочее время, тем более, повышать технологический уровень производства.

И чем больше технологический уровень производства, тем больше учить и обучать людей. Но для этого необходимо создать технологии образования, которых сегодня нет. И у нас люди научаются вопреки тому, чему их учат. Поскольку учить их вообще не могут.

Знаете все это? А почему сейчас выбрасываете все это? Москвин: А потому что есть такой момент. Или цель, которую вы ставите будет достигнута посредством фокусов логических, или есть еще какие-то сферы деятельности.

Г.П.: но, согласитесь, если я могу достичь эту цель путем логических фокусов, то...

Москвин: Но это идеально. Но это возможно в принципе.

Г.П.: то это идеально и возможно в принципе, поскольку, смотрите, я же с вами сейчас беседую как с человеком, который принял установку на презрение к грамотности. Я вспоминаю, что мне рассказывал дед мой и бабка. В России никогда не было презрения к грамотности, а сейчас есть. И вы вроде бы не понимаете, что мышление ничуть не менее значимо, чем производство, а на самом деле более значимо. И чем больше людей в нашей стране будут мыслить, исследовать и изобретать, тем выше будет стоять наша страна.

Москвин: И прекрасно. Я знаю все это. Но меня интересует как достигается этот идеал. А кроме коммуникативной деятельности, которой вы сейчас занимаетесь, есть еще ряд других деятельностей, которые...

Г.П.: прекрасно. Придумайте их, если есть. Но важно понимать их автономную самостоятельность и ценность.

Москвин: Либо вы ограничиваете тем, что вы сейчас делаете, либо если есть что-то другое, то это надо искать, создавать, или учиться это делать. Вот такая вещь.

Г.П.: вы поймите, Герман, простую вещь. Мышление есть самый производительный и экологически самый чистый способ производства.

Москвин: Кроме коммуникации есть еще одно слово, какое-нибудь, ближе к действию?..

Г.П.: Мышление, Мышление, говорю я, и поэтому меня интересует очень вопрос, с какого времени в России распространилось неуважение к мышлению и коммуникации?

Москвин: с 1936 г.

Г.П.: Но все равно проблема остается. И на мой взгляд, с вашей, вообще вот такой сантиметровой идеологией ни черта не сделаешь.

Москвин: Я вообще, слушая в вашем изложении историю, вообще удивляюсь, кто это вас так образовал, на такой исторический лад? Откуда вы такие исторические знания почерпнули?

Г.П.: Какие именно?

Москвин: Которые вы сейчас излагаете! Вы же на историю постоянно опираетесь. То, что вы даете о производстве - я - за!

Но исторические факты - это странность. С одной стороны вы излагаете парадоксального Маркса...

Г.П.: Горжусь.

Москвин: А с другой стороны, историю вы преподносит в таком виде, что он наверно, в гробу перевернулся.

Г.П.: Маркс - нет. Поскольку я задаю искусственно-естественную точку зрения, которая была у Маркса.

Москвин: Он историю таким образом не констралябил.

Г.П.: Конечно. И я историю не констраляблю. Я ввожу теоретико-деятельностные схемы для анализа педагогики.

Москвин: Вот-вот. Меня не покидает мысль, что вы это все настолько хитро упрощаете, что обвинять кого-то в фашизме, с вашей стороны, не очень... История вообще упрощена до такого маразма.

Из зала: Не история, а схема истории.

Москвин: вам ее тут так преподают, что не было этого никогда.

Г.П.: Значит, не только студенты МФТИ, но и студенты философского факультета Свердловского ГУ тоже знают как все обстоит на самом деле.

/ Перерыв/

Начиная с 3 тысячелетия до нашей эры, в системе воспроизводства, которое осуществлялось в жизни людей и определяло непрерывность и историческое сохранение человеческого общества, выделяется, с одной стороны, сфера производства, а с др. стороны, начинает выделяться и формироваться сфера производства человеческого ресурса, или воспитания и образования людей. И вроде бы так и надо, говорю я. Вроде бы тезис о том, что производство начинает всю систему воспроизводства не вызвал критики у вас... А мне важно, что вместе с выделением производства, оснащением его специальными

технологиями и технологизацией, само производство становится на передний план человеческого сознания и вытесняет проблемы воспроизводства и в философском, и в историческом, и в научном осмыслении. И более того, дальше все начинает подчиняться задачам обеспечения производственных процессов. Как будто у людей других задач вообще нет.

При этом происходит потеря практичности в организации жизни. Ибо воспроизводство, так организованное, есть по терминологии Платона, не практика, а поэзия и безнравственная притом.

Ну, у нас в стране это очень интересно проследить, как это происходит. Поскольку у нас там, где мы не могли уже развивать производство, то мы начинали развивать строительство. Чего вы смеетесь?

Москвин: Нет, вы правы. Все так и есть. /смех/.

Г.П.: Герман, запомните, иначе я вас вызову на дуэль, что все что я говорю, все так и было. /смех, смех/.

И если все это вот так правдоподобно и вы будете определять свое место в жизни, то что вам делать? Я свою жизнь закончил, мне осталось только кое-какие zapлаты поставить. А жить вам. У меня уже одна нога там и я приготовил крышку гроба, чтобы от вас отгородиться и не слышать этого всего вашего нахального, малокультурного и неграмотного. Вам-то жить. И теперь, вроде с учетом всего этого, вам надо делать технологию обучения и воспитания первыми и основными технологиями в нашей стране. По крайней мере не отставать от Японии в создании наукоемких производств. И одновременно развивать науку, педагогику, методологию и т.д. И одновременно здесь появляется гуманистическая установка. И суть гуманистической установки в том, что людей больше, чем надо, и всех их надо сохранить и использовать для приумножения сил нации и народа. И после 27 съезда, когда мы вышли к стадии "возрождения" и движения вперед, вот это все надо делать, я уже выбыл из игры со своими ошибками.

А ведь если то, что я говорю, правильно, то возникает здесь масса проблем.

Итак, мой следующий тезис в том, что когда производство заслонило всю систему практически организованного воспроизводства, приобрело автономность и имманентность в таких технологиях. Что такое технология? Технологии в этом смысле противостоят деятельности. Технологии есть отделенные схемы деятельности, как искусственного плана, а не естественного, природного. И затем они снимаются как формы, эти оптимальные схемы соорганизаций деятельности,

и кладутся на иной материал, на природный, в частности. Иногда человеческий материал, но уже тогда в алгоритмизированных формах, или того, что сейчас называют автоматизацией. Новый поворот автоматизации получается. Потому что уже нельзя отождествлять механизацию и компьютеризацию труда и создание поточных линий из машин с автоматизацией. Потому что автоматизация неразрывно связана с превращением в технологические элементы человека. И вроде бы это надо. Но с этой новой точки зрения это надо, ну скажем, для миллиона людей. В этом смысле ваш вопрос правильный. Те, кто включены в производство, к тому же технологизированное и автоматизированное, они уже людьми не будут. Они могут быть людьми только в свободное время. Поэтому такой труд должен быть коротким, напр. , 4-5 час. /и этого за глаза хватает при «современном уровне производительности труда/.

А дальше надо решать вопрос, который сегодня не решен, и вроде бы представляет самую большую сложность. Куда направить все эти оставшиеся человеческие массы. Вот какую проблему, говорю я уже сегодня решает наша страна. И не только на ЗИЛе, а на каждом заводе, поскольку у нас избыточная рабочая сила, с одной стороны, а с другой стороны, мы пишем и говорим, что Сибирь не освоена. Но люди туда ехать не хотят в силу отсутствия элементарных условий жизни /"обустройства" жизни/. Я вот иду в Дом молодежи мимо огромных груд металлолома и думаю, что оставляют детям и внукам наши власти.

Но нам надо думать о наших делах. У нас сейчас нет педагогических технологий напрочь. У нас люди и дети учатся вопреки школе. И кто все это будет делать? Вам предстоит, я так понимаю.

И поэтому я формулирую тезис.

Уже 3 тыс. лет назад, сама система образования людей выходит из подчинения системы воспроизводства, перестает обеспечивать процесс воспроизводства и начинает обеспечивать его фрагмент - производство как таковое. И поэтому тезисы исходные, которые я сформулировал, они еще слишком слабые.

Возникает сложнейшая проблема: надо переводить педагогику, обеспечивающую производство, в педагогику обеспечивающую воспроизводство, и отвечать не вопрос "что это значит?". А потом уже переводить все это в педагогику, обеспечивающую развитие. И можем ли мы перескакивать от педагогики производства к педагогике развития или мы должны проходить промежуточный этап и отрабатывать все эти формы? Это вопрос тоже остается и

вам его решать здесь на месте, в Красноярске, практически. И надо, чтобы и в теоретическом, педагогическом плане вы были подготовлены, и в ценностном отношении тоже.

А теперь я вставляю следующий кусок, касающийся форм стратовой, классовой организации пед. процессов. И вроде бы это еще один блок учета материалов.

По реконструкциям, которые проводились в истории педагогики, первые формы образования вплетены в сам труд. Труд - категория нейтральная по отношению к различиям производства и в-ва. Труд есть и воспроизводящий и производящий одновременно. /В ранних формах границ между ними нету/. Границы устанавливаются, накладываясь сверху в силу социальной организация человеческого материала. И здесь требуются специальные соц.-психологические исследования.

А как вы, кстати, Герман, относитесь к социально-психологическим исследованиям? А это между прочим очень важный и интересный вопрос.

Итак, сначала образование людей включено в сам процесс труда и осуществляется как аспект и сторона самого труда. И это дает возможность решать одновременно как трудовые задачи /в-ва и производства/, так и воспитания. А учение еще не отделено от воспитания ибо никаких методов и средств и, тем более, технологии нет и нет организаций их . Они придут где-то со схоластической школой и по-настоящему с Я.А.Коменского. Значит 17 в. - впервые.

Фрумин: но демонстрация образцов - есть некоторый метод обучения?

Г.П.: нет, конечно, хотя это есть метод обеспечения в-ва. А дальше в обучении демонстрация входит как элемент, но уже в контекст обучения, и происходит там перефункционализация, вроде бы. Или вы считаете как-то иначе, Исаак Давыдович?

Фрумин: можно и по вашей логике рассуждать.

Г.П.: а по какой еще можно?

Фрумин: можно выделить демонстрацию образцов как обучение: делай так...

Г.П.: Продолжаю и говорю, что, естественно, на процессы обучения накладываются, прежде всего, те социально-стративные разделения, которые существуют в социуме, отражаются в культуре и реализуются в сфере

производства. И поэтому мы получаем до периода Др. Греции системы закрытого кастового обучения. Что означает, что навыки, умения и знания соответствующей производственной деятельности передаются от отца к сыну /сын вора будет вором и т.д./ Все так точно и происходит. Сын преподавателя филос. фак-та МГУ будет философом, преподавателем.

Хасан: сын методолога - методологом.

Г.П.: Мне бы этого хотелось.

Из зала: а дочки будут кем?

Г.П.: у меня таких проблем нет.

И это вот означает, что передача знаний и умений происходит закрытым образом, тайно. Перелом наступает вместе с первыми методологами - софистами, которые выдвинули мысль, что знание может продаваться как и все остальное. И они начинают, с одной стороны, разрабатывать чистые техники мысли, а с другой стороны, брать деньги за обучение искусству мыслить. И они были не только первыми методологами, но и первыми педагогами. Вы опять хотите закричать, что я что-то вру?

Москвин: до этого существовали ионийская, италийская и др. школы. Там было то, что Исаак Давыдович называет демонстрацией образцов.

Г.П.: эти филос. школы, извините, это не школы.

Москвин: условно так они называются. Там Пифагор ходил и глаголи, а все на него смотрели.

Г.П.: но при этом пифагорейские союзы были закрытыми, политическими тайными обществами.

Москвин: вопрос снимаю. Меня в заблуждение ввело "отец-сын" /вместо тайности/.

Бондаренко: а воинские школы?

Г.П.: тоже закрытые. Вот, причем, живут два общества рядом: Афинское и Спарта и совершенно по-разному организованы. И совершенно разное отношение к труду и к лишнему населению. Живут, между собой взаимодействуют в одно время на одном уровне развития, казалось бы производительных сил. Но при этом производительные силы принципиально разные и они определяют социально-стративную структуру и сами ею определяются. И при этом, если в Афинах это подобие буржуазного общества/ некоторые немецкие исследователи утверждали, что бурж. общество появилось в Др. Греции, но теперь мы понимаем, что там были развиты товарно-денежные отношения, но бурж. общества не было/.

Москвин: Спарта и Афины принципиально базисные структуры одинаковые имели. И поэтому в Афинах капиталистические отношения не развились, хотя там было свободное население и капитал. И то, и другое, по словам Маркса, представляло собой естественно-возникшую ассоциацию против других обществ и врагов. И эта ассоциация не давала превращать своих сограждан ни в врагов, ни в наемных рабочих. Поэтому, эти общества тупиковые в принципе. Структуры у них были одинаковые, а исторические пути-траектории – разные. Возникли такие кастовые общества.

Г.П.: Ну что, это интересно. Хотя мне все это кажется несуразным. Но точка зрения есть и теперь её надо развить до понимания. В Спарте эта ассоциация была, а в Афинах её вообще не было.

Москвин: Эта ассоциация в Афинах тоже была, только в очень размытой форме. Она в страты определенные не сводилась. Последние исследования показали, что Спарта возникла как реакция на очень большое развитие богатства в этом районе. В самом деле там развились товарные отношения до определенного уровня, а потом, когда противоречия до того дошли, что стали друг друга избивать, и эта ассоциация оказалась под угрозой, была введена очень архаичная система организации /сознательно/, которая свойственна древнейшим обществам, для того, чтобы сохранить вот эту ассоциацию. Это вообще предпосылка любого античного общества.

Г.П.: мне очень симпатично то, что вы говорите, если вы еще будете размышлять над тем, что вы говорите. Смотрите, какая интересная вещь, искусственно создаваемая организация определяет сверху, как надстройка, уровень и степень и формы развития базиса.

Москвин: Да! Развитие производительных сил определяется развитием производственных отношений, а не наоборот.

Г.П.: И вот теперь мы возвращаемся к положению марксизма вопреки марксистским трактовкам, перевернувшем все с головы на ноги.

Москвин: возвращаемся. Ну и что?

Г.П.: теперь я смотрю, что делать надо, исходя из этого.

Москвин: Делать надо очевидно то, что вы предполагаете, потому что я в принципе того же мнения, но я не всегда вас понимаю. Вы даете огромное количество всяких констралябий, которые при этом напрочь не соответствуют, и при этом из разных источников, для того, чтобы получить потом такой вот

результат, который можно получить более простым путем, изучая... не идеальные конструкции, а реальную историю. Я вот этого никак не пойму.

Г.П.: вы за трансляцию против коммуникации. Если я напишу это в книжке, вы будете считать, что я напишу реальную историю. А когда я вот так с байками рассказываю, то это бог знает что, констралябии. Это характерно.

Мы все, между прочим, рабы писанного слова. Не идеи, а вот имеем написанное – это истина. А мысль, которая рождается у вас, у меня в голове – это тьфу, констралябии.

Москвин: Нет. Я о другом. Вы из-за того, что конструкции идут одна за другой, мне иногда кажется, что вы уходите от проблем реальных. Реальные проблемы лежат в реальной истории. Весь вопрос в том, как это выполнять как следует.

Г.П.: Вроде вы поняли, на чем я все время настаиваю, что мышление есть необходимая компонента жизнедеятельности и мыследеятельности. И более того, что она есть главная. А поэтому, говорю я, нельзя жалеть время на размышления. И это не только принцип, записанный в руководстве по подготовке управленческого персонала /Амер./, но это должно быть принципом современного общества, и, следовательно нашим принципом. Не надо жалеть время на размышления.

Фрумин: Я жалею свое время на его размышления.

Г.П.: нельзя. Вы же сторонник коллективной мыследеятельности.

Фрумин: до известных границ.

Г.П.: неправда все это. Неправильно. И мысль возникает вообще в оппозиции... Поскольку вы сидите и храните свою мудрость при себе и боитесь её подставить. А Герман, он работает как надо и создает вот эти необходимые для понимания оппозиции. Поэтому он «молоток», а вы нет /смех/.

Из зала: Значит оппозиция может быть только в коммуникации?

Г.П.: оппозиции и конфликты только в коммуникации. И более того, коммуникация для того и существует, чтобы эти оппозиции зарождалась. И Др.Греция так далеко двинулась вперед потому, что она на передний план выдвинуло коммуникацию и создало форум /хотя римское слово употребляю/.

Из зала: А можно оппозицию назвать условно позицией одного человека?

Г.П.: Позиция возникает за счет взаимного самоопределения. Если бы Герман не возникал со своим: «что вы здесь констралябите?», у меня бы вообще позиции не было. И то, что я здесь... Ибо позиции друг друга взаимно

ограничивают и себя, таким образом, творят: на бульоне или на помойке. Я понятно говорю?

Пока нет коммуникации или пока кто-то не сказал: «я не согласен. Все было не так», до тех пор позиции нету: ни его, ни моей.

Из зала: Вот есть, например, реакция на окружающую действительность. Предположим эта реакция возникает как несогласие, как оппозиция...

Г.П.: подождите секунду. Когда у вас есть реакция, у вас есть раздражители и реакции, и ничего больше.

Из зала:

Г.П.: Вот если человек начинает мыслить, а такого же никогда не случается. А потому что это очень трудная конструктивная работа для мышления. Очень много чего надо организовать и создать. Поэтому когда вы просто уходите с неудовлетворенностью, с эмоциями, у вас позиции еще нет.

Из зала: я не о том, что уходите с неудовлетворенностью. А неудовлетворенность является толчком к мысли какой-то.

Г.П.: Толчком – да. Но что это за толчок? Толчок не в смысле определяющая причина, а в смысле повода. И он по этому поводу, он теперь должен выразить свои формы и свою культуру. И вот когда он начинает это выражать, возникает позиция. Он должен выйти и сказать: «я не согласен». И пока он не набрался окаянства, чтобы заявить во всеуслышанье, что он думает, позиции нет.

Из зала: Да, позиции нет. Но мысль то у него появилась не в коммуникации?!

Г.П.: А это неизвестно.

Вот в схеме МД в середине находится двусторонняя /обязательно/ коммуникация, на которую все насажено. Это слой мыслекоммуникации.

/перестановка кассеты/

если не будет оппозиции...

...для мысли не будет мотивировать. И мысль будет, обратите внимание, бездуховной, и тогда будет не знамо про что и не знамо зачем. Сидит немецкий профессор на своей кафедре в университете и мыслит, и если бы Фихте его вообще не повернул на гражданские проблемы, то был бы этот профессор дурак дураком на своей кафедре и ничего бы не делал. И только тогдашняя немецкая

ситуация раздробленной Германии, проблем воссоединения и опережения Франции задавало гражданский и государственный смысл всем его размышлениям на кафедре. Поэтому, смотрите как я рискую отвечать вам, в принципе мышление может существовать отдельно, будучи редуцированной формой МД, но практически никогда и нигде этого не бывает. И в чем я вижу основной недостаток и вашего образования и вашей ЖД /жизнедеятельности/, в том, что коммуникаций у вас все еще мало. И не проточная система в университете. Должны приезжать другие люди из других университетов и констралябить свои представления, а вы должны относиться. И если этого нет, то нет условий для нормального развития жизни.

Голованов: наверное, это не совсем верно. Ведь можно утверждать, что когда ввели книгопечатание, то тем самым ученые получили возможность не иметь учеников, продолжателей своего дела, поскольку им достаточно было это записать.

Г.П.: это хорошо или плохо?

Голованов: получается, что плохо. Но без этого невозможно было бы другое.

Г.П.: Наверно. Потому что когда было изобретено книгопечатание, одновременно были повышены требования к людям, к читателям, поскольку читатель текста должен еще суметь его понять. А текст ведь не говорит, только воспроизводит то, что там написал в своем стройном и непротиворечивом процессе мышления тот или иной мыслитель, и поэтому общение с текстом – редуцированное, оскопленное общение. Хорошо, если вы умеете это делать и вам интереснее читать, чем с людьми разговаривать. Но это только потому, что у вас такой невероятно высокий уровень образованности и подготовки, что вы уже можете читать и понимать тексты: по физике, математике и пр. Но и то, как только вам попадется такой текст по социологии или тот же самый текст «Педагогике и логике», то следует реакция: «непонятно написана. Читать читаем, понять не можем». И в этом смысле у живой коммуникации есть масса преимуществ. Я вот читаю лекцию, а мне Герман говорит: «чего вы там констралябите?» и началась коммуникация.

Голованов: здесь ответить можно так: можно предъявить претензии или к тексту, или к читающему человеку.

Г.П.: К тексту – бессмысленно. Он уже написан и ничего не сделаешь.

Голованов: тексты будут еще новые писаться и нормы написания текстов меняются.

Г.П.: Но как это напишешь, Михаил Иванович? Вот когда я, например, на Германа смотрю, на его сжатые губы и упрямый нос, я понимаю с кем имею дело и я ему могу отвечать как он того заслуживает или заработал. А вот когда я сажусь писать, я долго-долго в своей памяти роюсь и вспоминаю какую-нибудь неприятную настырную физиономию, чтобы представить себе, как он будет реагировать на этот читаемый текст, что он будет задавать в качестве вопросов и какие мне контрмеры будет придумывать. И, следовательно, я еще должен выдумать Германа или кого-нибудь другого и все время с ним разговаривать. Очень сложная работа. И как правило, не выполняется она писателем, поскольку кажется никчемной.

Голованов: Не выполняется работа создания коммуникации, то же не выполняется и при живой коммуникации. Но это не значит, что её не надо делать или строить.

Г.П.: Но обратите внимание, в реальных условиях её /коммуникацию/ можно создать, а в мыслительных рассуждениях мне надо совсем другое: непротиворечивость, цельность текста, собранность его.

Голованов: Непротиворечивость, цельность тоже могут быть разными.

Г.П.: Согласен, но тяжело и трудно. Очень жесткие требования выдвигаете. Я вот как на себя начинаю это мерить, так понимаю, что не могу это удовлетворить. Многие-многие другие не могут.

Бондаренко: Г.П., а можно вернуться вот к этой схеме воспроизводства? Для развития нужна другая абстрактная схема или оно отсюда где-то может выйти?

Г.П.: Отсюда. Но сначала я должен кончить с изменением форм организации образования.

Паршиков: Вернусь к началу дискуссии. Можно ли вообще понять историю /в том числе педагогики/ как следует? Если нет, тогда о чем мы здесь говорим?

Г.П.: А почему у вас возникло сомнение, что это невозможно? И надо понимать как следует! Если нет возможности, разрабатывайте средства специально исторического понимания /Эту проблему ставили здесь на ОДИ-50. Правда выяснилось, что исторически мыслящих игроков и методологов там не оказалось/.

Паршиков: Но я здесь вижу исторически мыслящих людей, а не совпадают ваши точки зрения /Германа и Г.П./.

Г.П.: А что вы за такой сторонник единомыслия? Мы должны высказывать разные точки зрения. Что толку будет, если у Германа будут такие же мысли как и у меня. По этому поводу говорил Салтыков-Щедрин: «Единым бывает только единомыслие». А мысль всегда должна быть разной у разных людей.

Паршиков: Дело не в единомыслии, а в том, что надо строить историю, вопрос-то важный.

Г.П.: А я и говорю: прежде, чем начнете строить и, следовательно, потребуется соответствующая организация, мыслить надо. И не надо